

Максим Солодкий

Шорох и трепет

*Опыт страшного
рассказа*

Максим Солодкий

Шорох и трепет (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10740810

ISBN 978-5-4474-1164-0

Аннотация

Книга является сборником коротких страшных рассказов, в котором автор пробует себя в хоррор-минимализме. В отличие от интернет-версии не содержит стилистически выделяющийся рассказ «Но однажды я умер...» Будет интересна как любителям жанра, так и его критикам:)

Содержание

О том, кто остался в снегу...	5
Охота на счастье	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Шорох и трепет

Опыт страшного рассказа

Максим Солодкий

© Максим Солодкий, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

О том, кто остался в снегу...

На вмятину на левой передней двери БМВ обратил внимание Антона водитель Лэнд Крузера, вытащившего буксиром черное баварское авто из сугроба на обочине; сам Антон вмятины не видел. БМВ, которое снесло с дороги на закрытом повороте трассы, идущей через Малый Лесок, ни обо что такое не ударялось, – это Антон помнил точно. Но где-то в его сознании уже тогда что-то противно щелкнуло, и Антон соврал, как с листа: «А-а, это? Это я на прошлой неделе еще...» Какая к черту прошлая неделя – три дня, как купил «бумера»!

Сомнение, яд сомнений, ад сомнений... «Есть два вида сомнения: одно – свивающее логово во тьме, неподвижное и колючее, другое – всегда ползающее, скользящее и вертящееся. Обычно первое принадлежит молодости, второе – старости...» – это или что-то подобное прочел когда-то молодой Антон у Рериха и помнил всегда. Сейчас, будучи уже далеко немолодым человеком, он лежал и думал о том, что и первое, и второе из рериховских сомнений – оба были его гостями сегодня. Первое давило его тихонько, пока он ехал с места ДТП домой и полупризнался себе в пути, что, когда машину его закрутило юлой на том проклятом повороте, удар-таки (звук удара!) был. Второе грызется червем

в мясе антоновой души уже второй час после того, как он проснулся и понял, что тогда, когда мир вращался вокруг него присыпанными снегом елями, боковое его зрение выхватило в этом зелено-белом хороводе красное пятно. «Выхватило-выхватило! Да-да... Детская шапочка? Как у девочки из сказки Перро?!» – думал Антон, ворочаясь в кровати. Но даже так... Он не мог, просто не мог достать ее холёным черным телом взвизгнувшего тормозами БМВ... Просто не мог. Дальше и левее должна была быть эта шапочка, память о которой пережившее стресс сознание сперва заботливо перевело в подсознание, чтобы преподнести Антону потом полуночный сюрприз.

«Не мог я... – думал вставший Антон, дымя ментоловой сигаретой в стекло окна на красную полную луну на ночном небе. – А если мог? Она (или он?) так и осталась в снегу. Где-то там в сугробе. А я и не понял (или не захотел понять?), что натворил...» В схватке совести с сомнениями всегда побеждает трусость. Ведь покуда мы не открыли коробку Судьбы, наш личный кот Шредингера не только полумертв, но и полужив. Поэтому решив, что лучше не знать вовсе, был ли на лесной дороге ребенок или его не было, Антон запил снотворное виски, дал себе установку на то, что о том, кто остался в снегу, он думать не будет, и провалился в бездну наркотического сна, где до утра его мучили кошмары.

...А гулябани лежал в сугробе, где тепло его тела оплывало снег и образовало нору. Иногда он полизывал ударенный бок шершавым языком. Ему было невыносимо тоскливо, казалось, что смерть уже сидит внутри, там, где ныли перебитые ребра, и вот-вот и разольется по всему телу, отняв навсегда остатки его тепла и унеся дыхание гулябани в Царство Черной Луны. Еще ему было обидно. Он ведь тогда почти догнал бежавшего на лыжах ребенка. Удар машиной застал гулябани в прыжке, и он, провалившись в сугроб, еще долго не мог понять, что же сорвало финальный аккорд его охоты. Если гулябани и думал порой не о ребенке и не о машине, ударившей его (как о неких звеньях цепи Судьбы), а о незадачливом водителе – как о единственно виновном в случившемся, то в эти редкие мгновения он скалил клыки. А спавший за сотню километров от гулябани Антон вздрагивал во сне, видя кошмар, в котором за ним, клацающая зубами, гнался огромный черный волк.

Охота на счастье

«Мир не делится на счастливых и несчастных, нет. Он делится на тех, кто знает, что он несчастен, и на тех, кому знать этого не дано. И тот, кто знает, несчастен, и наоборот. Хотя несчастны все. Или не все? Где-то тут должна была быть логика, но я ее теряю. Плевать!!! В конце концов, смерть уравнивает всех. Нас и их. Их и нас. Может быть, я не права, но мне сейчас просто хочется спать...»

Вика отложила дневник. Сигарета, тлевшая меж ее пальцев, сгорела к самому фильтру, и она положила гаснущий окурочок в пепельницу. Спать еще рано, но очень хочется. В холодильнике она нашла крабовые палочки и полбутылки пива. Поесть, а потом можно идти. Ха, поесть! Жрать нечего, хоть шаром покати, но она привыкла утолять голод пивом отчима и крабовыми палочками, которые водились в холодильнике всегда, ну, или почти всегда.

Мать сегодня опять не вернулась домой, но Грише уже давно на это плевать. Единственное, что еще радует его в этой жизни, – это любая жидкость, в которой содержание спирта выше трех оборотов. Странная пара. Она не любила мать, а на отчима просто ложилась: его женщины уже не интересуют и он к ней не лезет, что само по себе не плохо. Да

и интересуйся он сексом, полез ли бы он к Вике, а?

Пиво было мерзким. Однажды Гриша (она всегда называла отчима по имени) урвал где-то пять бутылок «Гротверга». Она тогда стояла и давилась слюной, когда он вливал в себя уже третью бутылку. Всё вылакает гад, поняла она, и ей захотелось плакать от обиды. Но Гриша поднял на нее свои печальные глаза и все понял. Да ведь и не дурак же он, понимает, пожалуй, куда «уходит» ночами его пиво. Он все понял и перевел свой печальный, почти собачий взгляд на оставшиеся бутылки. Ему было жалко. Вике тоже было бы жалко, и тем сильнее было ее удивление, когда Гриша протянул ей одну бутылку. Протянул, воровато озираясь, не зайдет ли шас ее мамочка. «Ночью только, а не сейчас, – сказал он, и она еще раз убедилась в том, насколько боится он ее родительницу, – И бутылку выкинешь, да?» Она никогда не забудет ему его тогдашнюю щедрость. Жаль, что не сказала тогда спасибо, а лишь юркнула, прижав заветную бутылку к груди, в соседнюю комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.